

Маск. новости. 1984. 1984/12/2. 3.

Юрий ЛЮБИМОВ

Мы в театре сейчас репетируем «Преступление и наказание» Достоевского. Там внятно звучит: «Мир надо переделать!» А как? Надо начинать с себя. Прежде всего с себя. И я не знаю другого человека, кто столь близко к сердцу принимал это требование, кто был так строг к себе, как Андрей Дмитриевич Сахаров.

Во все времена праведникам было плохо. И Сахаров не исключение. Когда он стал говорить правду в лицо сильному миру сего, встал на защиту гонимых, его стали преследовать: угнетали его близких, лишали друзей и любимой работы, клеветали, крутили фильм, снятый из-за угла, через замочную скважину... А кончилось все беззаконной ссылкой в Горький — наш стыд и позор на долгие годы.

Но вот то время кончилось. Сахаров вернулся, избран народным депутатом. Самое тяжелое, казалось бы, позади. А ноша праведничества не стала легче. И вот в зале, где он выступает, его даже выслушать не могут — не хватает терпения. Он не оратор, он трудно говорит. И часто такое, что и знать не хочется. Но неужели трудно понять, что это наша совесть, лучшее, что есть в каждом из нас, говорит с трибуны съезда?! Да ведь мы извиниться перед ним толком не успели... Может быть, сейчас, когда Андрея Дмитриевича не стало, почувствуют раскаяние те, кто смеялся и хлопал, мешая ему говорить. Или совсем очерствели их души?

В пятницу утром актеры театра, который любил Андрей Дмитриевич, куда он ходил в самые мрачные времена, спели «Вечную память». Вечером перед спектаклем я попросил зрителей почтить память великого человека минутой молчания.